

ЧТЕНИЕ — ПРАЗДНИК ДУШИ

Истории для детей от Чарлза Диккенса, пересказанные его внучкой

Дорогие друзья! В 2006 году по инициативе Национального фонда искусств США (the National Endowment for the Arts) в Америке было начато осуществление программы «The Big Read» («Большое чтение»). Импульсом к разработке и проведению программы послужил отчет Национального фонда искусств США, опубликованный в июле 2004 г. под названием «Reading at Risk: A Survey of Literary Reading in America» («Чтение в критическом положении: обзор состояния чтения художественной литературы в Америке»). Цель программы — поддержать престиж художественной литературы в американской массовой культуре и способствовать осознанию ее преобразующего влияния на жизнь людей.

Дейна Джойа

Почетным председателем этой программы является г-жа Лора Буш, супруга президента США. Руководитель проекта — председатель Национального фонда искусств США Дейна Джойа.

К участию активно привлекаются библиотеки, литературные объединения, колледжи и университеты, художественные школы и другие заинтересованные организации по всей стране.

Участие в этой программе предоставляет возможность жителям одного города прочитать и обсудить одну и ту же книгу. Проведение инновационных читательских программ осуществляется в отобранных (на конкурсной основе) малых и больших городах. Организована широкая рекламная кампания по телевидению, радио и в местной печати.

В нашей стране проект «Большое чтение» проводится под руководством и по инициативе Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы и её директора Екатерины Юрьевны Гениевой. Мы приглашаем вас, дорогие читатели, присоединиться к программе «Большое чтение», выбравшей в этом году для чтения произведения знаменитого английского писателя Чарлза Диккенса. С приветственным словом к российским детям обращается Екатерина Юрьевна Гениева.

Екатерина ГЕНИЕВА,
генеральный директор
Всероссийской государственной библиотеки
иностранной литературы, г. Москва

Как жизнь...

ОБРАЩЕНИЕ К ДЕТАМ

Дорогие дети, любите ли вы праздники? Конечно, любите, особенно ожидание праздника, когда взрослые и дети спешат приготовить подарки, сюрпризы, а накануне Нового года и Рождества всё: и люди, и природа — застывает в ожидании чуда и радости.

Но никто так не любил праздников, особенно Рождества, как английский писатель Чарльз Диккенс. Он был певцом той опьяненности жизнью, той радости, которая велит каждому стать кем-то замечательным. Самое главное в его романах, с содержанием которых вы познакомитесь в талантливом пересказе его внучки, — веселое утверждение свободы: и в «Николасе Никльби», и в «Домби и сыне», и уж, конечно, в «Рождественской песне». Во всех них — призыв к каждому из нас стать самим собой.

«Я, — говорил Диккенс, — хороший отец всем детям моей фантазии». Он был не только хорошим, но и добрым, снисходительным отцом. Часто его герои-дети плохо воспитаны, они «сотрясают стены его романов» и разбивают вдребезги сюжет своим безудержным многословием. Это буйство слова часто мешает нам понять Диккенса, мы привыкли к более простому чтению. Но, увы, мы сами лишаем себя удовольствия насладиться сногшибательными выходками Мантани или Микобера. Когда же мы испытываем безудержную диккенсовскую радость жизни, мы познаем лучшее, что есть в мироздании: все люди интересны, все люди *чем-то, каждый по-своему*, интересны.

Диккенс старался изо всех сил сделать своих героев скучными, но ему это не удалось. Он не мог создать скучного

человека. Его глупцы часто занимательнее умников, созданных другими писателями.

Весь Диккенс — это сама жизнь в самом точном смысле слова. Книги его как жизнь, они считаются только с собой и весело идут своим путем.

Мало кто умеет ходить дорогами Диккенса так далеко, чтобы увидеть то место, где смешные мещанские домики преисполнены поэзии. Люди не знают, куда может завести здравый и бодрый дух. Мы забываем, не в пример любимым нами с детства сказкам, что Диккенс ведет и в мир духовный. В этом, видимо, и суть «Рождественской песни». Чтобы понять это произведение, которое является ключом ко всему творчеству Диккенса, надо сначала понять, что веселье не физическое, а мистическое явление и может быть таким же глубоким, как горе. Шутка способна потрясти свод Небес. Диккенс весел, и мы не поймем его, если не зарядимся, насколько это нам доступно, его одержимостью. Веселье он доводит до гротеска, доверчивость — до слез, ведь таково покаяние старого гордеца Домби.

Некоторым читателям все же безудержность может показаться вульгарной, безвкусной, но детям, которые ближе — в силу своего возраста — к Небесам, оно покажется Божественным, хотя не всем понятно значение этого слова.

Читая эти рассказы, вспомните, что трава зеленая, что ученость — не всегда высшая добродетель, подавите гордость — наслаждайтесь вместе с Диккенсом вечной радостью жизни, которая сродни Рождеству и Пасхальной радости.

Истории для детей от Чарльза Диккенса, пересказанные его внучкой

Перевод А.Г.Николаевской

Иллюстрации Фрэнсиса Брандейджа, Гарольда Коппинга,
баронессы Оризи и Уиллиса Грея, Эдит Скэнелл, Бейджо Жилия.

Париж. Лондон. Нью-Йорк. «Так энд Санз Лимитед».

Трухти Вэк и его дочь Мэг

Трухти — вообще-то странное имя для старика, но так уж прозвали Тоби Вэка, потому что он всегда бегал трусцой, торопясь выполнить свои задания. Он был рассылным; в его конторе занимались доставкой писем и пакетов для тех, кто очень спешил и не мог отправлять их по почте. В те времена почта была не такой дешевой и быстрой, как нынче. Зарабатывал он немного, в любую погоду с утра до ночи бегал по городу. Но Тоби был веселым человеком, во всем видел только хорошее и благодарил судьбу, когда она ему улыбалась; словом, чувствовал себя гораздо счастливее, чем те, кто даже не знал, что такое голод и нужда. А самой большой радостью для него была его драгоценная, добрая, красивая дочка Мэг, которая очень его любила.

Однажды морозным днем, в конце года, Трухти бегал, как обычно, на своем пяточке возле церкви взад-вперед — слишком долго его никуда не посылали — пытался разогреться; тут как раз колокола пробили двенадцать часов, и Тоби вспомнил об обеде.

— Нет на свете, — заметил он, оглядываясь внимательно вокруг, чтобы убедиться, что к нему никто не бежит, — ничего столь постоянного, как время обеда, и нет ничего на свете столь непостоянного, как обед. Большая разница между тем и другим.

Так он рассуждал сам с собой, продолжая трусить на пяточке, и не заметил, что к нему кто-то идет.

— Отец! Да отец же! — послышался приятный голос. Тоби повернулся и увидел совсем рядом с собой ясные, красивые глаза своей дочери.

— Что, малыш? — спросил он и расцеловал ее, зажав в ладонях румяное личико. — Что случилось? Я не ждал тебя сегодня, Мэг.

— Я и не собиралась к тебе, — ответила Мэг, улыбаясь отцу и кивая в знак согласия. — Но видишь, пришла! И кое-что с собой прихватила!

— Хочешь сказать, что ты... — заметил Тоби, с любопытством поглядывая на закрытую крышкой корзинку, которую она принесла, — что ты...

— Понюхай, папочка, — предложила Мэг, — только понюхай и угадай, что там.

Тоби быстро втянул воздух, наклонясь к корзинке.

— Ба, да там что-то горяченькое, — сказал он.

Но, к величайшей радости Мэг, он не смог угадать, что же такое пахнет столь восхитительно.

— Уж не кровяная ли колбаса? Свиные ножки? Ливер? Паштет? Сосиски? — перебирал он. И, наконец, с восторгом воскликнул:

— Господи, о чем это я! Это ведь рубец, да?! И точно, это был рубец.

— Угадал, — сказала Мэг. — Я сейчас постелю холстинку, папочка; я ведь принесла рубец в миске, а миску завернула в платок; и уж коли я решила раз в жизни гордиться собой, расстелить этот платок вместо скатерти и назвать его скатертью никто мне не помешает. Верно, отец?

— Да уж и не знаю, кто бы мог помешать тебе, — сказал Тоби.

Только Тоби собрался было приступить к трапезе, усевшись на ступени большого дома, стоявшего поблизости, как снова зазвучали колокола, и Тоби снял шапку и сказал:

— Аминь!

— Ты говоришь «Аминь» колоколам, папочка?

— Они звучат, как молитва, дорогая моя, — отвечал Тоби, — и несут благую весть тому, кому это дано понять, я уверен в этом. Мне они много хорошего говорят. Знаешь, сколько раз я слышал, как колокола говорят мне: «Тоби Вэк, Тоби Вэк, пусть сердце твое будет добрым, Тоби!» Миллион раз? Нет, больше!

— А я никогда не слышала! — воскликнула Мэг.

— А когда дела совсем плохи, они говорят мне: «Тоби Вэк, Тоби Вэк, скоро у тебя будет работа, Тоби!»

— И в конце концов у тебя появляется работа, — сказала Мэг с грустью.

— Всегда, — ответил Тоби. — Никогда они меня не обманывали.

Пока Тоби с чрезвычайным наслаждением ел свой обед, столь неожиданно появившийся у него, Мэг рассказывала, как ее жених Ричард, молодой кузнец, принес ей свой обед, чтобы с ней вместе поесть, и попросил ее стать его женой, предложил венчаться в первый день Нового года, «самый счастливый день года». На ближайшее время у него есть постоянная работа, и хотя они будут жить бедно, они будут счастливыми, веселыми и станут поддерживать друг друга.

— Так что, — продолжала Мэг, — я хочу, чтобы этот день стал для тебя праздником, как и для меня — самым дорогим и счастливым днем в жизни, отец. Я приготовила тебе немного поесть, решила сделать сюрприз, порадовать тебя.

Тут и сам Ричард подошел и стал уговаривать Тоби согласиться с их планом, но почти сразу же из дома вышел лакей и прогнал их с крыльца. А потом появились какие-то джентльмены, они позвали Трухти, засыпали его вопросами и начали распекать Ричарда за то, что он, болван, собрался жениться. Тоби стало совсем грустно на душе, а Ричард очень на них рассердился. И жених с невестой уныло побрели прочь, Ричард был мрачным и подавленным, а Мэг — вся в слезах. Тоби велели отнести письмо, дали ему за его труд шестипенсовик, и он, совсем расстроенный, затрусил по направлению к большому — богатому — дому, там он должен был вручить письмо одному господину. Пока он ждал ответа, письмо стали читать вслух. Оно было от олддермена¹ Кьюта сэру Джозефу Баули; в нем сообщалось, что один из его сограждан, по имени Уилл Ферн, приехавший в Лондон в поисках работы, был доставлен к олддермену Кьюту по обвинению в том, что он ночует в сарае. Олддермен интересовался, хочет ли сэр Джозеф, чтобы к Ферну проявили снисхождение, или нет. К величайшему разочарованию Тоби, ответ был таков: Уилла Ферна отправить в тюрьму, чтобы другим был урок, хотя единственной провинностью Уилла было то, что он — бедняк. А ведь сэр Джозеф любил разглагольствовать о том, что он друг всех бедняков. Тоби побрел домой, надвинув шапку низко на глаза и печально размышляя о произошедшем. Случайно он наткнулся на мужчину — судя по одежде, деревенского жителя — со светловолосой девочкой на руках. Тоби с тревогой спросил, не ушиб ли он его. Мужчина успокоил его и, увидев доброе лицо Тоби, спросил, как пройти к дому олддермена Кьюта.

— Невероятно, — воскликнул Тоби, — а вас slučajем не Уиллом Ферном звать?

— Да, это мое имя.

Тогда Тоби рассказал ему, что он только что услышал, и добавил:

— Не ходите туда.

Бедняга Уилл поведал ему, как он бедовал в деревне и в конце концов решил ехать в Лондон с сиротой-племянницей искать работу, пожелал Тоби счастливого Нового года и собрался было идти дальше, но Тоби схватил его за руку со словами:

¹ Олддермен — старший советник муниципалитета.

— Пойдите! Новый год не будет для меня счастливым, раз я встретил вас с ребенком на руках и узнал, что у вас нет крыши над головой. Пойдемте ко мне. Я бедняк и живу скромно, но на одну ночь я могу приютить вас и никогда не стану жалеть об этом.

Он взял на руки малышку и затрусил к своему дому, без умолку что-то бормоча, потому что терпеть не мог, когда его благодарят. Он влетел к себе домой и опустил девочку на пол перед Мэг. Малышка взглянула на милое личико Мэг и бросилась к ней в объятия, а Трухти принялся бегать по комнате, приговаривая:

— Вот мы и дома, вот и добрались. Эй, дядюшка Уилл, садись к очагу. Мэг, дочка моя драгоценная, где чайник? Да вот же он, в минуту закипит!

— Папочка! — сказала Мэг, встав на колени перед малышкой и снимая с нее мокрые башмачки. — Что с тобой сегодня, ты прямо не в себе. Не знаю, что сказали бы тебе про это твои колокола. Бедные ножки, как же они замерзли!

— Нет, теперь им теплее! — воскликнуло дитя. — Совсем тепло!

— Нет, нет, нет! — сказала Мэг. — Надо их как следует вытереть. Нам еще предсто-

ит потрудиться. Вытрем ножки, расчешем мокрые волосы, а потом личико помоем чистой водичкой, чтобы бледные щечки разрумянились, а когда все это сделаем, нам будет совсем хорошо и весело!

Малышка, всхлипывая, обвила шею Мэг своими ручонками, причитая:

— Мэг, о Мэг, дорогая!

— Господи, Боже мой! — воскликнула Мэг. — Отец точно умом тронулся! Положил чепчик малышки на чайник, а крышку повесил за дверь!

Трухти быстро исправил свою оплош-

ность и вышел за чаем и за грудинкой, сказав, что «видел их где-то на крыльце».

Вскоре он вернулся, заварил чай, и все стали наслаждаться трапезой. Трухти и Мэг взяли по маленькому ломтику — за компанию, им доставляло радость наблюдать, как едят их гости; они были счастливы, хотя Трухти заметил, когда они вошли в дом, что Мэг сидела у очага вся в слезах, и испугался, что ее свадьба расстроилась.

После чая Мэг уложила Лилиан спать, а Тоби отвел Уилла Ферна к его постели. Проходя мимо дверей Мэг, он услышал, как малышка молится Богу и просит Его милости к Мэг и к нему. Потом он снова сел у очага и стал читать газету; так, сидя у огня, он заснул и увидел странный сон, такой страшный и мрачный, что пробуждение принесло ему облегчение — он увидел рядом с собой Мэг. Дочка пришивала ленты к своему простому платью — готовилась к свадьбе, она была такой счастливой, юной и цветущей, что он вскочил со стула и заключил ее в свои объятия.

Но кто-то встал между ними с криком:

— Нет! И даже вам нельзя! Первый поцелуй в Новом году — мой! Мэг, мой дар драгоценный, с Новым годом! Счастливых долгих лет желаю тебе, моя бесценная жена!

Потом вошли Лилиан и Уилл Ферн, а потом музыканты с соседями заполнили комнату, восклицая: «С Новым годом! Поздравляем со свадьбой!». Вперед вышел человек по кличке Барабан и сказал:

— Трухти Вэк, похоже, твоя дочь завтра выходит замуж. И не найдется человека, который, зная тебя, не пожелал бы тебе счастья в Новом году. Мы все собрались здесь, чтобы отметить с вами этот праздник.

И тут появилась миссис Чикенстокер (добродушная, приветливая женщина, которая, к всеобщей радости, оказалась подружкой матушки Лилианы — ее-то Уилл Ферн и пытался разыскать), в руках у нее был кувшин, полный флипа², она пришла пожелать Мэг счастья. А потом загремела музыка, и Трухти пригласил миссис Чикенстокер на танец, а за ними пошли в круг Мэг и Ричард. Трухти танцевал, выделявая невиданные пируэты, ведь он всегда как-то по особенному припрыгивал и бегал трусцой.

² Флип — горячий напиток из подслащенного пива со спиртом, яйцом и специями.

Малютка Тим

Вас всех, конечно, очень удивит, когда вы узнаете, что жил на свете человек, который не любил Рождество. На самом деле, несколько раз люди слышали, как он говорил слово «чепуха» о нем. Звали этого человека Скруджем, он был суровым, мрачным деловым господином, которого волновало в жизни только одно — как сэкономить и как заработать, ни об одной живой душе он не заботился. Клерку, что гнул на него спину в его конторе, он платил нищенскую зарплату — ровно столько, чтобы тот исполнял свои обязанности, и на себя тратил тоже минимум, жил один в двух унылых комнатах. Он никогда не бывал в хорошем расположении духа, счастливым или просто довольным, не выносил, когда другие веселились, вот поэтому-то он ненавидел Святки — ведь на Святки люди непременно бывают счастливы, вы же сами знаете, всё стараются для этого сделать и хотят, чтобы у них хотя бы несколько монеток в кошельке звенело, чтобы они могли другим доставить какую-нибудь радость.

Словом, наступил сочельник. Он выдался очень холодным и туманным, и мистер Скрудж, скрепя сердце, разрешил своему бедняге клерку остаться на Рождество дома, запер контору и отправился домой в очень плохом настроении. К тому же его мучил насморк. Поев жидкой овсяной каши возле очага в своей жалкой берлоге, он отправился спать, и приснился ему кошмарный сон — впрочем, мы оставим его досматривать этот сон, а сами поглядим, как Малютка Тим, сын бедного клерка, провел сочельник.

Звали этого клерка Боб Крэтчит. У него были жена и, кроме Тима, еще пятеро детей. Тим был слабеньким, тихим, увечным мальчиком, поэтому отец и все члены семьи его очень любили; ведь он был милым маленьким мальчиком, добрым, терпеливым и преданным, с таким прекрасным личиком, что невозможно было не любоваться им.

Как только у мистера Крэтчита появлялась свободная минутка, он сажал себе на плечи мальчика, и они шли гулять, поглазеть на людей и витрины магазинов. А сегодня, в первый раз в жизни, он ходил с ним в церковь.

— И куда это запропастился ваш бесценный папенька, а с ним ваш братик, Малютка

ка Тим?! — восклицала миссис Крэтчит. — Обед готов. Раньше он никогда на Рождество так не задерживался.

— Да вот он, мама! — закричала Белинда, и все ребятишки подхватили: «Вот он!».

А мистер Крэтчит переступил порог дома, из-под его потрепанного сюртука свисал чуть ли не на три фута шерстяной шарф — на улице был дикий мороз, а у бедолаги-клерка не было теплого пальто. На плече отца сидел Малютка Тим, держа в руке свой костыль.

— Как Тим себя вел? — спросила миссис Крэтчит.

— Это не ребенок, а чистое золото. Чистое золото, — ответил отец. — Сдается мне, жена, что мальчик, сидя подолгу дома, стал мудрее. Когда мы возвращались домой, он сказал мне: хорошо, что прихожане, увидев в церкви на Рождество хромого, вспомнят, кто заставил хромых ходить.

— Господь дал ему доброе сердце! — сказала матушка, и голос у нее дрогнул, и у отца тоже дрогнул, когда он произнес:

— Малютка Тим становится, наконец, сильным, и сердце у него доброе.

Обед был готов. Миссис Крэтчит с гордостью поставила на стол гуся. Белинда принесла яблочную подливку, а Питер —

картофельное пюре; другие дети расставили стулья; стул Тима, как обычно, был подле отцовского. Тим пребывал в таком приподнятом настроении, что стал стучать ножом по столу и кричать: «Ура!». После гуся подали пудинг, от него шел пар, как во время стирки, потому что его взяли с пылу — с жару из котла, а сверху прикрыли мокрой салфеткой; он вспыл в столовую, охваченный пламенем от горящего рома и украшенный рождественской веткой остролиста, воткнутой в самую середину. Его мгновенно съели до последнего кусочка; потом на столе появились яблоки и апельсины, а на огонь в камине высыпали полный совок каштанов. Все сели кружком возле камина, миссис Крэтчит разлила им из кувшина сладкий напиток и сказала:

— Счастливого Рождества, дорогие мои, благослови вас Господь!

— Благослови нас Господь, — эхом повторил Тим, и домочадцы выпили за здоровье своих близких и за здоровье мистера Скруджа, потом они стали рассказывать разные святочные рассказы и петь песни. У Тима был прекрасный, хоть и не сильный голос, он замечательно спел песенку о ребенке, заблудившемся в метель на Рождество.

Я говорил вам, что мистеру Скруджу приснились неприятные, странные сны в сочельник. В одном сне ему приснился Святочный Дух, который отвел его в дом его клерка; Скрудж увидел, как они собрались возле камина, и услышал, что они пьют и за его здоровье, а еще услышал, как пел Малютка Тим. Тим особенно врезался ему в память.

Мы не знаем, что мистер Скрудж делал на Святки. Может, с постели весь день не вставал, потому что простудился, но в рождественскую ночь ему снова приснились разные сны, и снова Дух отвел его в дом клерка. Матушка шила, сидя у стола, на шитье капали ее слезы, она жаловалась, что от этой тяжелой работы у нее болят глаза. Детишки сидели подле нее, притихшие и грустные, только Малютки Тима с ними не было. А отец сидел наверху, обхватив голову руками, возле маленькой кровати, на которой лежала крошечная фигурка с белым недвижным лицом.

— Мое дитя, мое дорогое дитя, — приговаривал он сквозь рыдания, и слезы ручьями лились меж пальцами на пол.

— Малютка Тим умер, потому что отец его слишком беден и не смог обеспечить ему нужный уход, чтобы мальчик выздоровел; это ты обрек его отца на нищету, — сказал Дух Скруджу.

Отец поцеловал холодное личико мальчика и спустился вниз, в их убогую столовую, в которой еще стояли веточки остролиста. Он схватил шапку, посмотрел на костыль, стоявший в углу, и вышел, захлопнув за собой дверь. Скрудж видел все происходящее и многое другое, столь же печальное и неизвестное ему до того — Дух позаботился об этом. Но, как ни странно это прозвучит, он проснулся на следующее утро другим человеком — таким он никогда раньше не был.

— Мне так легко, словно я пушинка, так радостно, словно я ангел, так весело, словно я школьник, — сказал он сам себе, отправившись в другую комнату завтракать; он бросил весь уголь в камин и положил два куска сахара в чай. — Надеюсь, у всех было замечательное Рождество, а теперь еще их ждет прекрасный Новый год.

Бедняга Боб Крэтчит опоздал в контору на несколько минут и ждал взбучки от хозяйина, но ничего подобного не произошло — хозяин сидел у стола, повернувшись спиной к камину, в котором полыхал огонь, и улыбался. Он обменялся со своим подчиненным рукопожатием и сообщил, что намерен прибавить ему жалованье, совершенно искренне заинтересовавшись, как здоровье Малютки Тима.

— И разведите пожарче огонь в своей комнате перед тем, как сядете работать, Боб, — сказал он и закрыл дверь к себе в кабинет.

Боб не верил своим ушам и глазам, но это произошло на самом деле. Они никогда в жизни не получали таких милостей от хозяина, как в тот новогодний день, никогда у них не было такой вкусной индюшки за праздничным столом, какую им прислал Скрудж. Малютке Тиму тоже достался лакомый кусок — ведь он не умер, даже и не собирался. Скрудж стал для него вторым отцом с того самого дня, он теперь ни в чем не нуждался, рос сильным и добрым мальчиком. Скрудж полюбил его, да это и понятно — разве не Малютка Тим, сам того не подозревая, с помощью Святочного Духа растопил его черствое сердце, помог ему стать добрым, счастливым человеком?!